

Лукашевич Клавдия Владимировна

**Сиротская доля. Повесть
Клавдии Лукашевич.
Продолжение повести
"Дядюшка-флейтист"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Сиротская доля. Повесть Клавдии Лукашевич. Продолжение повести "Дядюшка-флейтист" / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 130 с.

ISBN 978-5-519-94011-5

ISBN 978-5-519-94011-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Ты «незнайка», Петрова. Не хитри... Я знаю, знаю, с чемъ ты всегда думаешь,—поддразнивала шопотомъ подругу черноглазая дѣвочка и при каждомъ словѣ улыбалась и дѣлала уморительныя гримасы.

Петрова посмотрѣла на нее удивленно и вопросительно и опять покраснѣла.

Въ это время на улицѣ, за окномъ раздались грустные, заунывные звуки флейты...

Какъ и что затѣмъ произошло, никто не могъ дать въ томъ отчета, никто не могъ никогда хорошенько вспомнить...

Вдругъ раздался страшный крикъ, и произошелъ невообразимый переполохъ.

— Ай-ай-ай! Флейта! Флейта! Дядя! Флейта! — послышался среди дѣвочекъ громкій не то возгласъ, не то вопль... Вслѣдъ за нимъ другой, третій... Всѣ повскакали съ мѣстъ. Наташа Петрова бросилась къ окну первая. За ней всѣ дѣвочки; попадали скамейки, ножи, ложки, вилки; кто-то опрокинулъ кружку съ водой...

Лицо Петровой было багрово-красное, испуганное. Она высунулась въ окно и, казалось, не помнила себя.

Учительницы тоже бросились за дѣвочками; онѣ успокоивали ихъ, брали за руки, тянули къ столу, произносили угрозы, спрашивали:

— Что случилось? Кто закричалъ первый? Почему Петрова побѣжала къ окну? Какъ смѣли всѣ повскакать съ мѣстъ? Садитесь, садитесь скорѣе! Всѣ будете наказаны. Начальница идетъ!

Всѣ съ шумомъ бросились къ оставленнымъ мѣстамъ. Водворились порядокъ и тишина.

Начальница, маленькая, еще не старая женщина, въ синемъ платьѣ и съ черной кружевной косы-

ночкой на головѣ, стояла въ дверяхъ сосѣдней комнаты и испуганно, недоумѣвающе строго смотрѣла на всѣхъ.

— Что тутъ произошло?

Послышались отрывочные, робкіе, безтолковые отвѣты.

— Мы испугались... Мы думали... Тамъ на улицѣ заиграла флейта.

— Ну, что же такое, что заиграла флейта? Чего жъ пугаться-то, кричать, производить безпорядокъ?

— Заиграла флейта... Наташа Петрова закричала... Мы испугались...

— Я ничего не понимаю. Надежда Ивановна, объясните, пожалуйста, — обратилась начальница къ старушкѣ.

— Я и сама не могу понять, Анна Ѳедоровна, отчего онѣ всѣ переполошились, повскакали съ мѣстъ, закричали. На улицѣ какой-то мальчишка заигралъ на флейтѣ. Кажется, закричала первая Наташа Петрова и бросилась къ окну.

— Петрова, поди-ка сюда!

Виновница ужаснаго переполоха, взволновавшаго весь пріютъ, встала и блѣдная, какъ полотно, подошла къ начальницѣ; она вся дрожала, и крупныя слезы скатывались по длиннымъ рѣсницамъ.

— Скажи, пожалуйста, отчего ты закричала? Какъ ты смѣла вскочить изъ-за стола?

Дѣвочка молчала.

— Отвѣчай мнѣ! Какъ ты рѣшилась на такую дикую выходку? Отчего ты вздумала вскочить? Ты перепугала всѣхъ и произвела страшный безпорядокъ.

Дѣвочка начала всхлипывать.

— Петрова, отвѣчай сію минуту!

— Наташа, не упрямься. Расскажи Аннѣ Ѳедоровнѣ всю правду и попроси прощенія, — проговорила молодая учительница, приблизившись къ дѣвочкѣ.

— Тамъ заиграла флейта... — едва слышно прошептала виноватая.

— Я слышала это уже десять разъ... Что жъ изъ этого? Мало ли кто на улицѣ можетъ играть?! Это не резонъ, чтобы кричать, вскакивать изъ-за обѣда и всѣхъ пугать...

— Я думала... я думала... Флейта заиграла... — Дѣвочка смѣшалась, закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Что ты думала? Отчего ты закричала?

Петрова рыдала, не произнося ни слова.

— Отвѣчай, Наташа, нехорошо упрямиться. Скажи чистосердечно Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ты думала, — уговаривала дѣвочку молодая учительница, ласково положивъ руку на ея плечо.

Но дѣвочка плакала и не отвѣтила больше ни слова.

— Ты будешь строго наказана, Петрова! Стой тутъ за столомъ, пока дѣти будутъ обѣдать; затѣмъ пообѣдаешь послѣ одна и придешь ко мнѣ въ комнату для объясненій.

Начальница ушла.

Молодая учительница, удивленная непонятнымъ упрямствомъ дѣвочки, укоризненно покачала головой и сказала:

— Понять не могу твоего поведенія! Очень стыдно и нехорошо такъ вести себя, Петрова!

— Что сдѣлалось съ нашей «Незнайкой», съ нашей «Тихоней»? Она, навѣрно, съ ума сошла. Смотрите, какая она бѣлая, точно мукой посыпана. Губы-то какъ у нея дрожатъ... Отчего она такъ закричала? Испугалась, что мальчишка на флейтѣ заигралъ. Какая она смѣшная! Вотъ-то глупая! — судили и рядили воспитанницы между собою, посматривая на Наташу, стоящую около своего мѣста.

А у наказанной дѣвочки въ это время въ стриженной головкѣ проходили, какъ въ панорамѣ, одна картина за другою. Неожиданно заигравшая на дворѣ флейта напомнила ей недавніе лучшіе дни ея короткой жизни и того, кто одинъ любилъ ее, жалѣлъ и баловалъ. Эти дни промелькнули, какъ падающая звѣздочка. Не забыть ихъ Наташѣ, не забыть и дядю Колю, такъ хорошо игравшаго на флейтѣ. Гдѣ онъ? Почему забылъ Наташу?! Можетъ, умеръ подъ забормомъ, какъ пророчила тетя Маша, можетъ, ходитъ и играетъ на флейтѣ по дворамъ... Его всѣ не любили, всѣ смѣялись надъ нимъ... Одна Наташа жалѣла, любила и помнитъ. Она затаила глубоко въ памяти и въ сердцѣ эти воспоминанія и никому не расскажетъ о нихъ: другіе ея не поймутъ и будутъ смѣяться. Всѣ всегда смѣются надъ нимъ. Вотъ почему она такъ упорно молчала, когда ее спрашивали пачальница и учительницы. И объясненія отъ нея никто не добился.

II.

Поступленіе въ пріютъ.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ Наташу Петрову привела въ пріютъ тетка. Маленькая стриженная дѣвочка дико озиралась большими испуганными глазами въ незнакомомъ мѣстѣ и хваталась дрожащими руками за платье своей спутницы. Какъ ни тяжело жилось ей въ семьѣ тетки, особенно послѣднее время, но тамъ все было знакомо, тамъ бывали и свѣтлые дни, а здѣсь все чужое, невѣдомое, и, какъ ей всегда говорили тетка и сестра, ее здѣсь порядкомъ приструнить и воли не дадутъ.

— Тетя Маша, я домой хочу, — прерывающимся голосомъ прошептала Наташа, прижимаясь къ теткѣ.

— Что, голубушка, боишься?.. Не умѣла цѣнить родныхъ, не умѣла быть благодарной... Поживи-ка въ чужихъ людяхъ... Не разъ вспомнишь нашъ домъ... Увидишь и колотушки и обиды; не разъ поплачешь, тогда вспомнишь, что тетя да Липочка доброму учили, — запугивала маленькую дѣвочку расходившаяся женщина. Это была особа высокая, полная, съ лоснящимся лицомъ, покрытымъ веснушками.

Наташа дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Тетя Маша, возьмите меня домой, — шептала она сквозь подступавшія рыданія.

— Ничего, поживешь и здѣсь... Тебя давно пора прибрать къ рукамъ, — пугнула ее еще разъ тетка и стала униженно кланяться начальницѣ, которая вышла въ пріемную.

— Ужъ вы не оставьте ее своей милостью, господа начальница. Она сирота... Не я ее растила... Дѣвочка балованная, ни къ чему хорошему не приучена... Съ ней надо строгостью.

Начальница удивленно посмотрѣла на говорившую и, подойдя близко къ Наташѣ, погладила ее по головѣ.

— Ты будешь умной и доброй, и мы станемъ любить тебя, — сказала она. — Не плачь, милая, тебя здѣсь никто не обидитъ. У насъ много дѣвочекъ, и онѣ живутъ весело и счастливо...

— Эти дѣвочки хороши въ людяхъ, а дома съ ними сладу нѣтъ, — снова заговорила тетка. — Ужъ не знаю, какъ и Бога благодарить за то, что Онъ помогъ устроить ее въ казенное мѣсто. Намучились мы съ ней... Конечно, оно извинительно: росла безъ матери, совсѣмъ избаловалась.

Начальница снова перевела удивленные глаза съ этой полной, энергичной женщины на хрупкую фигурку маленькой испуганной дѣвочки, казавшейся такой забитой и покорной, и въ ея головѣ мелькнуло: «Неужели эта женщина не могла исправить и хорошо повлѣять на эту дѣвочку, а эта крошка съ большими умными глазами — уже такой дурной, испорченный ребенокъ?!»

Наташа боязливо прислушивалась къ словамъ тетки и въ своемъ горѣ не понимала хорошенько ихъ значенія. Она вся дрожала и умоляющими глазами взглядывала на свою строгую спутницу.

Начальница старалась успокоить и ободрить маленькую дѣвочку. Она гладила ее по головѣ и говорила ласково:

— Не плачь, душечка, постарайся быть доброй и послушной и тебѣ вездѣ будетъ хорошо.

— Старайся всѣмъ угождать; держи свой острый язычокъ на привязи да не говори вѣчно дерзости, какъ дома, — добавила отъ себя тетка.

Начальницу удивляла эта женщина: какъ будто она привела свою племянницу на судъ, а не въ училище. Другіе, особенно матери и отцы, которые приводили въ пріютъ дѣвочекъ, никогда не выставляли на видъ ихъ дурного характера, ихъ недостатковъ, проступковъ, напротивъ, всѣ старались наговорить о своихъ дѣтяхъ какъ можно больше хорошаго, — эта же нисколько не жалѣла, не щадила ребенка.

— Будете ли вы брать къ себѣ дѣвочку по воскресеньямъ и праздникамъ? — спросила начальница.

Наташа вздрогнула, пододвинулась къ теткѣ, охватила ее обѣими руками и впиалась глазами въ ея

суровое лицо: такъ много выражалось въ этой нѣмой мольбѣ.

Холодная женщина осталась непреклонна.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы люди бѣдные, занятые... Братъ дѣвочку — это такія хлопоты, такая обуза... Средствъ у насъ нѣтъ... Мы такъ рады, что устроили ее въ казенное мѣсто.

— А навѣщать ее кто-нибудь будетъ? Станете ли вы приходить къ ней? У насъ по воскресеньямъ отъ часу до трехъ дозволены свиданія съ родными... Можно и побаловать дѣтей: принести булочекъ, гостинцевъ...

— Гдѣ ужъ намъ приносить гостинцы!.. Пожалуй, навѣщать изрѣдка будемъ...

Наташѣ хотѣлось заплакать, крикнуть, что дядя Коля непременно будетъ часто приходить къ ней, будетъ приносить гостинцевъ, онъ общалъ ей, но спазмы сдавили горло дѣвочки, и она не могла произнести ни слова.

Тетка ушла, равнодушно поцѣловавъ племянницу, и много разъ повторила ей на прощанье приказаніе вести себя хорошо, не дерзничать и держать язычокъ на привязи.

Наташа осталась одна-одинешенька, среди чужихъ людей; она точно застыла, замерла, больше не плакала и не говорила о своемъ горѣ.

Начальница взяла ее за руку, провела черезъ двѣ комнаты и открыла дверь. Дѣвочку оглушилъ шумъ звонкихъ голосовъ, крики и стукотня. При ихъ появленіи все смолкло, и вошедшихъ окружила толпа дѣвочекъ разныхъ возрастовъ.

Навстрѣчу имъ поднялась старушка съ худощавымъ строгимъ лицомъ. Она что-то вязала, сидя около длиннаго стола.

— Надежда Ивановна, вотъ вамъ новая воспитанница, Наталія Петрова,—сказала начальница.— Переодѣньте ее въ казенное платье. А вы, дѣти, будьте съ ней поласковѣе. Она маленькая и, конечно, ей тяжело.

Начальница ушла. Та, которую называли Надеждой Ивановной, углубилась въ чтеніе какой-то книги; читая, она вязала, почти не глядя на работу.

— Возьмите дѣвочку и познакомьтесь,—сказала она шумливой толпѣ.— Тихе, тихе, дѣти. Не кричите такъ... Вы вѣдь не торговли на базарѣ... Какъ вамъ не стыдно!

Старушка снова углубилась въ чтеніе.

— Новенькая! Новенькая! Какая смѣшная, пучеглазая... Стриженная, точно мальчикъ!—кричали дѣвочки и тѣснились все ближе и ближе къ Наташѣ.

— Какъ твоя фамилія, новенькая?—подскочила къ Наташѣ маленькая, шустрая черноглазая дѣвочка, съ глубокими ямочками на полныхъ румяныхъ щекахъ.

— Не знаю...—тихо отвѣчала Наташа, посматривая на шумную толпу исподлобья, какъ перепуганный, затравленный звѣрекъ.

— Дѣвицы, она своей фамиліи не знаетъ... Ха-ха-ха!.. Она никто...

— А кто твои папа и мама?—приставали дѣвочки.

— Не знаю...—еще тише отвѣтила Наташа.

— Она не знаетъ, кто ея отецъ и мать. Слышите, дѣвицы?! Вотъ-то смѣшная!

— Она, вѣрно, глушенькая...

— Будемъ ее называть «Незнайкой»...

— Она похожа на сыча, дѣвицы... Знаете, такаа большеглазая сова...

— Ха-ха-ха! Правда, правда!

«Гдѣ ты, совушка, жила?

Гдѣ ты, вдовушка, была?

Я жила въ лѣсицѣ,

Во сыромъ дуплицѣ»,

пропѣлъ чей-то тоненькій пискливый голосокъ, и Наташу дернула за рукавъ рыжая, косоглазая дѣвочка.

Новенькая казалась совсѣмъ ошеломленной, потерянной. Она не плакала, но часто и прерывисто дышала, вздрагивала, и на темныхъ густыхъ рѣсницахъ блестѣли крупныя слезы. Сердце ея усиленно стучало; ей бы хотѣлось убѣжать и скрыться отъ этой шумной толпы; ей казалось, что онѣ всѣ уже ея не любятъ, дразнятъ и хотятъ обидѣть... Хотя кто-нибудь бы заступился за нее. Ей такъ страшно одной среди нихъ... Если бы пришелъ дядя Коля! Онъ бы разогналъ этихъ злыхъ дѣвочекъ, увелъ бы Наташу и заступился бы...

— Не приставайте къ новенькой, дѣвицы,— слышался спокойный голосъ.

Дѣвочки обернулись. Къ Наташѣ подошла высокая, стройная дѣвушка съ длинной русой косой, одѣтая въ такое же форменное сѣрое платье, въ бѣлый передникъ и пелерину, какъ и другія.

Дѣвочки стали ласкаться къ подошедшей. Очевидно, это была старшая и любимица пріюта.

— Посмотрите, какъ она перепугалась... Зачѣмъ вы ее дразните? Вспомните-ка, и сами были когда-то